

50 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ А. П. ЧЕХОВА

1904

Гордость русской литературы

1954

«А. Чехов, А. Перелтели и М. Горький в Боржоме» — фрагмент картины работы проф. И. Шарлемана.

Чехов в Грузии

В конце прошлого столетия и начале нынешнего века внимание передовой общественности Грузии привлекало творчество двух замечательных русских писателей — Антона Павловича Чехова и Алексея Максимовича Горького.

Имя Чехова приобрело широкую популярность у грузинского читателя еще в девятисотых годах. Об этом, в частности, свидетельствовала хроникерская заметка, помещенная в газете «Иверия» в номере от 7 июня 1900 года, когда А. П. Чехов совершил свою третью поездку на Кавказ.

Газета считала необходимым сообщить, что: «Выдающийся русский писатель Антон Павлович Чехов и Максим Горький (А. Пешков) в настоящее время находятся в Тифлисе. Они остановились в «Северных номерах». Там же остановился молодой художник Васнецов».

В 1899—1901 годах в России завершилось издание десятилетнего собрания сочинений А. П. Чехова. Это издание способствовало еще большей популяризации творчества выдающегося русского писателя и в грузинском обществе. Рассказы Чехова систематически переводятся на грузинский язык и печатаются в журналах «Квали», «Моамбе», «Нашадури», в газетах «Иверия», «Цибис пурцели», в приложениях к журналам. В названных изданиях было опубликовано в те годы до 80 произведений А. П. Чехова, в том числе: «Спать хочется», «Справка», «Толстый и тонкий», «Переполох», «Репетитор», «Учитель», «Радость», «Маска», «Зипочка», «Беззаконие», «Без заглавия», «В суде», «Монья», «Проществие», «Ванька», «Смерть чиновника».

В грузинских газетах и журналах печатались также статьи о Чехове, давалась оценка его творчеству, раскрывалась идейная направленность его произведений. Творения русского писателя, знавшие к завоеванию светлой жизни, были грузинскому читателю так же понятны, близки и созвучны, как и читателю русскому.

Живейший интерес вызывали у грузинского зрителя чеховские пьесы. На грузинской сцене еще при жизни А. П. Чехова шли его одноактные пьесы, а также крупные драматические произведения — «Иванов», «Дядя Ваня», «Вишневый сад».

Грузинская театральная критика того времени давала высокую оценку драматургии Чехова, определяя его пьесы как документы большого художественного мастерства и идейной ценности.

«Сильное и своеобразное перо Чехова знакомо нашему обществу», — писала газета «Дроба». — Его пьесы не нуждаются в разъяснениях. Они с такой художественностью рисуют определенное душевное состояние человека, что весь театральный зал пронизывается единым настроением».

Исключительное внимание уделяла творчеству А. П. Чехова газета «Иверия».

В номере, посвященном безвременной кончине великого русского писателя, газета писала:

«Чехов — писатель мирового значения, его смерть — потеря для всей мировой литературы».

Популярность Чехова в Грузии несравненно возросла в советскую эпоху. Произведения Чехова выпускаются отдельными сборниками. О творчестве Чехова печатаются много статей. Чехов оказывает благотворное воздействие на развитие грузинской прозы. Он — один из любимых писателей грузинского народа.

И. ГРИШАШВИЛИ.

Великий писатель - гуманист

Прошло пятьдесят лет со дня смерти Антона Павловича Чехова. Вместе с советскими людьми все прогрессивное человечество чтит память великого русского писателя и пламенного патриота, пронесшего через все свое прекрасное творчество страстную мечту о славном будущем своей страны, неустанно звавшего «к высшей правде, к высшему счастью, к какому только возможно на земле».

Чехов — гордость русской культуры. Его огромный, благородный талант воплотил в себе лучшие традиции передовой русской литературы. В истории нашей Родины имя Чехова живет как символ могучих духовных сил русского народа, его постоянной устремленности к высоким идеалам человечества.

Чехов выступал непримиримым обличителем собственнического мира, мира насилия и несправедливости, уродовавшего человеческую душу, беспощадно бичевал все, что мешало прогрессу и счастью человеческого общества, — и Горький считал это большой его заслугой. «Огромное вы делаете дело вашими маленькими рассказами, возбуждая в людях отвращение к этой сонной полумертвой жизни, — чорт бы ее побрал!» — писал Горький Чехову в 1900 году.

Начало литературной деятельности Чехова относится к 80-м годам прошлого столетия, в той мрачной поре, когда в помещичье-капиталистической России все задыхалось в атмосфере свирепой реакции, когда всякая живая, светлая мысль, каждый светлый порыв подавлялись душителями прогресса и разума.

Ужасная картина духовного обнищания целого уездного города, боязнь живой мысли, живой жизни нарисована Чеховым в рассказе «Человек в футляре». Незабываемы для характеристики старой, позорной жизни царской России чеховские рассказы «Учитель Пришибеев», «Хамелеон», «Торжество победителя», «Анна на шее».

Тяжелую картину дореволюционной русской деревни показал Чехов в повести «Мужики», в рассказе «Новая дача», «В овраге», «Темнота», «Злоумышленник».

Продолжая лучшие традиции литературы критического реализма, Чехов описывал жизнь такой, какой она была. «Страшная сила его таланта», — писал о Чехове Горький, — именно в том, что он никогда ничего не выдумывает от себя, не изображает того, чего нет на свете. И именно эта сила чеховского таланта, бичевавшего людскую пошлость, косность, деградацию, бескультуру, стремившегося излечить читателя от духовного паралича, обратить его к поискам иной, разумной, осмысленной жизни, создала ему славу «глубокого истолкователя русской действительности», великого художника слова, правдиво отобразившего в своих произведениях горькую правду эпохи.

В каждом своем рассказе, в каждой своей пьесе Чехов, описывая жизнь, какая она есть, в то же время говорит, доказывает читателю, что такой она не должна быть, что «больше жить так невозможно».

Неотразимым укором такой жизни, мрачному недавнему прошлому российской действительности навсегда останется в русской литературе чеховский рассказ «Палата № 6», в котором с огромной оубожающей силой показана трагическая судьба людей, осмеявших мечтать о лучшей жизни.

Огромную впечатляющую силу этого рассказа В. И. Ленин выразил следующими словами: «Когда я прочитал до конца этот рассказ, мне стало жутко. Я не мог оставаться в своей комнате и вышел. У

меня было ощущение, что я заперт в палате № 6».

Выступая в своих произведениях против пошлости и равнодушия, против безропотной покорности судьбе, Чехов приветствовал людей, для которых «главное — перевернуть жизнь», организовать ее на новых началах. Любимым его героем был человек, мечтавший о тех временах, когда наступит «новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть всегда свободным!».

Чехов не сомневался, что такая жизнь придет, что наступит время, когда чудесные возможности человека раскроются во всей полноте и украсят землю.

«Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, к какому только возможно на земле», — с глубокой убежденностью возвещал великий художник-гуманист. Он верил, что «жизнь на земле будет необразимо прекрасной, изумительной», и хозяином этой жизни, ее вдохновенным творцом он видел человека, в котором «должно быть все прекрасно — и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Одним из главных качеств этого нового человека Чехов считал его любовь к труду — труду радостному, творческому. Ибо, утверждал писатель, «чтобы хорошо жить, по-человечески, — надо... работать! Работать с любовью, с верой!».

Все симпатии Чехова принадлежали людям, видящим цель своего существования в созидательном труде, превращающим труд в подвиг жизни. «Я не видел человека, — говорит Горький, — который чувствовал бы значение труда, как основания культуры, так глубоко и всемерно, как Антон Павлович... Он любил строить, разводить сады, украшать землю, он чувствовал поэзию труда».

Чехов жил в те годы, когда Россия находилась в тисках самодержавия. Но он хорошо знал свой народ и глубоко верил в мощь его затасанных, еще не пробудившихся сил. «Боже мой, — восклицает Чехов в одном из своих писем, — как богата Россия хорошими людьми!».

Писателю, крепко любившему свою страну, свой народ, рисовалось, какой красотой и силой расцветет жизнь всюду на необъятных просторах России, когда полновластным хозяином их станет освобожденный человек — строитель новой жизни.

Обращая свой пылкий взор в будущее, Чехов в замечательной повести «Степь» с глубокой поэтичностью воспевает родную страну, ее просторы, дает образ народа, сильного своей органической

слитностью с родной землей, талантливого, трудолюбивого, которому в лицу богатырский размах, богатырские дела.

«Что-то необыкновенно широкое, размашистое и богатырское тянулось по степи вместо дороги... Кому нужен такой простор?... Можно в самом деле подумать, что на Руси еще не перевелись громадные, широко шагающие люди, вроде Илы Муромца...».

Чехов не сомневался, что выраставшее «в сказочных мыслях» претворится в действительность, что должно прийти это время, когда обновится Россия, когда во всей полноте раскроются чудодейственные силы, неисчерпаемые возможности народа.

Внимательно прислушиваясь к учающемуся пульсу народной жизни, Чехов все с большей силой и уверенностью выражал в своих произведениях убеждение, что Россия находится «накануне величайшего торжества», что «готовится... сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку».

Не будучи по своим убеждениям революционером, Чехов, тем не менее, понимал, что путь его Родины к светлому будущему лежит через социальный переворот. Особенно ясно чувствовал он это в последние годы своей жизни. «В народе сильное брожение... Гудит, как улей, Россия... Вот посмотрите, года через два, три... не узнаете Россию», — выразил свое мнение Чехов в одном из предсмертных своих писем.

Говоря о приближении исторической грозы, о неминуемой развязке, писатель замечал, что в борьбе за переустройство жизни нужны «силы, смелые, быстрые», что тот, кто хочет быть полезным для дела, должен выйти «из тесного круга обычной действительности» и «стараться сразу действовать на массу».

«Можете быть уверены, что наступят лучшие времена!.. Воссияет заря новой жизни, восторжествует правда, и на нашей улице будет праздник!» — выражает надежду Чехова героя одного из его рассказов.

Чехов умер за год до первой русской революции...

Повзвелевшая смерть оборвала красивую, отмеченную благородным подвигом жизнь великого писателя. Но и сегодня Чехов живет среди нас, как наш современник, как участник нашей большой созидательной работы по построению новой жизни, нового общества.

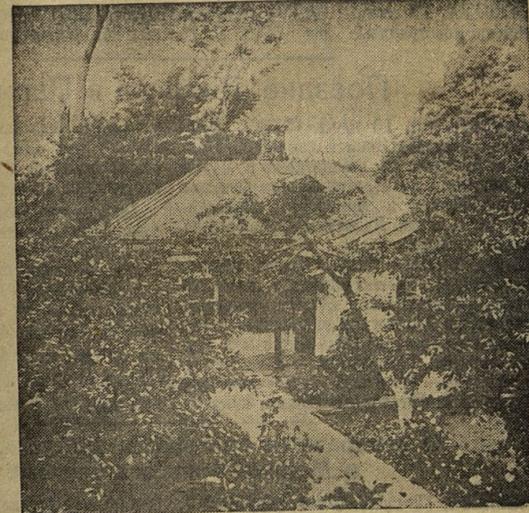
Творения Чехова любил и ценил В. И. Ленин. Одним из выдающихся представителей русской нации назвал Чехова И. В. Сталин. Ленин и Сталин неоднократно обращались к сатирическим образам Чехова и использовали эти образы в своих произведениях, выступлениях.

Широкую читательскую аудиторию имеет Чехов в Грузии в наше, советское время.

Творчество великого русского писателя Чехова, глубоко национальное по своей сути, занимает выдающееся место в русской и мировой литературе. Влияние Чехова испытали выдающиеся писатели Европы, Азии, Америки. Произведения Чехова пользуются огромной популярностью в Китае, они издаются во всех странах народной демократии.

По решению Всемирного Совета Мира юбилей Чехова празднуется всем прогрессивным человечеством. Народы всего мира выражают свою любовь и признательность гениальному русскому писателю, в бессмертных творениях которого нашли отражение самые светлые и самые смелые надежды людей о свободной жизни.

А. АЛЕКСИДЗЕ.

На снимке: домик в Таганроге, в котором родился и провел свои детские годы А. П. Чехов. Фото В. Турбина. Фотохроника ТАСС.

Шестьдесят шесть лет назад...

В июле 1888 года — ровно 66 лет назад — Антон Павлович Чехов отплыл из Феодосии на пароходе «Юнона» в сторону Черноморского побережья Кавказа. Он побывал в Сухуми, Поти и Батуми. Затем писатель проехал все Закавказье — от Батуми до Баку.

«Попробую писать с дороги фелбетоны или письма», — писал он своему брату Ал. П. Чехову.

Письма, которые Антон Павлович слал с пути родным и друзьям, действительно, напоминают по форме фелбетоны, они полны подлинно чеховского блеска и остроумия, метких наблюдений и зарисовок. Одному письму, посланному М. П. Чехову, придана законченная форма юморески, в духе тех, которые Антон Павлович писал для журнала «Осколки». У письма есть заголовок — «По морям Черному, Житейскому и Каспийскому», оно сопровождается собственноручным рисунком автора с пояснением: «Восходит мутное солнце... Видна зеленая Рионская долина, а возле нее Потийская бухта...».

Самое яркое в этих письмах Чехова — восторженное описание природы Грузии.

«Я в Абхазии! — пишет Чехов. — Ночь ночевал в монастыре «Новый Афон», а сегодня с утра сижу в Сухуме. Природа удивительная до бешенства и отчаяния...».

И далее: «Если бы я побыл в Абхазии хотя месяц, то, думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого куста, со всех теней и полутеней на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов...».

Антон Павлович побывал в Батуми. Отсюда он выехал в Тифлис. Письмо с дороги полно восторженного описания природы: «Дорога от Батума до Тифлиса с знаменитым Сурамским перевалом оригинальна и потишна; все время глядишь в окно и ахаеть: горы, туннели, скалы, реки, водопады, водопадники».

Еще более приподняты высказывания писателя о Военно-Грузинской дороге. Он писал — уже после окончания путешествия — Н. А. Лейкину: «Если Вы еще не ездил по этой дороге, то заложите жен, детей, «Осколки» и поезжайте. Я никогда в жизни не видел ничего подобного. Это сплошная поэзия, не дорога, а чудный фантастический рассказ, написанный Демонем, влюбленным в Тамару».

Возвращаясь еще раз к виденному во время этой поездки, Антон Павлович писал К. С. Баранцевичу: «Впечатления до такой степени новы и резки, что все пережитое представляется мне сновидением, и я не верю себе... Пережил я Военно-Грузинскую дорогу... Вообразите себя на высоте 8000 футов... Вообразили? Теперь извольте подойти мысленно к краю пропасти и заглянуть вниз; далеко, далеко Вы увидите узкое дно, по которому вьется белая ленточка — это седая, ворчливая Аргав...».

Чехов необычайно тонко чувствовал красоту. Он мечтал о том времени, когда в человеке и в природе все будет красиво. Вот почему так низко склонялся он перед красотой грузинской природы.

Высказывания Чехова о поездке в Грузию, запечатленные им образы нашей природы — это драгоценные строки, написанные рукой великого мастера.

Н. НОВИЦКИЙ.

Горький о Чехове

Антон Чехов уже в первых рассказах своих умел открыть в тусклом море пошлости ее трагически-мрачные пути; стоит только внимательно прочитать его «юмористические» рассказы, чтобы убедиться,

Его врагом была пошлость; он всю жизнь боролся с ней, ее он осмеивал.

Отрывки

из воспоминаний д. красивым искренним голосом сказав:

Поднял бы, понес ее ко господину: — Глянь-ко ты, господи, земля-то какова, — Сколько она Васьюкой изукрашена! Ты вот ее камнем пусти!

В июле 1888 года — ровно 66 лет назад — Антон Павлович Чехов отплыл из Феодосии на пароходе «Юнона» в сторону Черноморского побережья Кавказа. Он побывал в Сухуми, Потти и Батуми. Затем писатель проехал все Закавказье — от Батуми до Баку.

«Попробую писать с дороги фельетоны или письма», — писал он своему брату Ал. П. Чехову.

Письма, которые Антон Павлович слал с пути родным и друзьям, действительно, напоминают по форме фельетоны, они полны подлинно чеховского блеска и остроумия, метких наблюдений и зарисовок. Одному письму, посланному М. П. Чехову, придана законченная форма вморески, в духе тех, которые Антон Павлович писал для журнала «Осколки». У письма есть заголовок — «По морям Черному, Житейскому и Каспийскому», оно сопровождается собственноручным рисунком автора с пояснением: «Восходит мутное солнце... Видна зеленая Рионская долина, а возле нее Потийская бухта...».

Самое яркое в этих письмах Чехова — восторженное описание природы Грузии.

«Я в Абхазии! — пишет Чехов. — Ночь почевал в монастыре «Новый Афон», а сегодня с утра сижу в Сухуме. Природа удивительная до бешенства и отчаяния...».

И далее: «Если бы я пожил в Абхазии хотя месяц, то, думаю, написал бы с полсотни обстоятельных сказов. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов...».

Антон Павлович побывал в Батуми. Отсюда он выехал в Тифлис. Письмо с дороги полно восторженного описания природы: «Дорога от Батума до Тифлиса с знаменитым Сурамским перевалом оригинальна и поэтична; все время глядишь в окно и ахашь: горы, туннели, скалы, реки, водопады, водопадики».

Еще более приподняты высказывания писателя о Военно-Грузинской дороге. Он писал — уже после окончания путешествия — Н. А. Лейкину: «Если бы еще не ездили по этой дороге, то заложил жеп, детей, «Осколки» и поезжайте. Я никогда в жизни не видел ничего подобного. Это сплошная поэзия, не дорога, а чудный фантастический рассказ, написанный Демоном, влюбленным в Тамару».

Возвращаясь еще раз к виденному во время этой поездки, Антон Павлович писал К. С. Баранцевичу: «Впечатления до такой степени новы и резки, что все пережитое представляется мне сновидением, и я не верю себе... Пережил я Военно-Грузинскую дорогу... Вообразите себя на высоте 8000 футов... Вообразили? Теперь извольте походить мысленно к краю пропасти и заглянуть вниз; далеко, далеко Вы видите узкое дно, по которому вьется белая ленточка — это седая, ворчливая Арагава...».

Чехов необычайно тонко чувствовал красоту. Он мечтал о том времени, когда в человеке и в природе все будет красиво. Вот почему так низко склонялся он перед красотой грузинской природы.

Высказывания Чехова о поездке в Грузию, запечатленные им образы нашей природы — это драгоценные строки, написанные рукой великого мастера.

Н. НОВИЦКИЙ.

Пьесы Чехова на грузинской сцене

В репертуаре грузинского театра всегда уделялось большое внимание русской драматургии — произведениям Островского, Грибоедова, Гоголя, Толстого. Неизменной любовью пользовались у грузинского зрителя и драматургия Чехова.

Из драматических произведений А. П. Чехова на грузинской сцене впервые была поставлена в 1889 году пьеска в одном действии «Медведь», переведенная Гр. Вольским (Умципаридзе).

Позже Г. Вольский перевел чеховское «Предложение». 30 октября 1890 года на грузинской сцене, в бенефис артиста Васо Абашидзе, была поставлена пьеса А. Чехова «Иванов» в передаче драматурга М. Насидзе. В сезоне 1903 года эта пьеса была возобновлена. В спектакле участвовали В. Абашидзе, В. Гуния, В. Гамкредидзе, Е. Черкезишвили и другие.

Позднее, в 1910 году, Ладо Месхишвили перевел на грузинский язык и поставил инсценированную новеллу Чехова «Черный монах» («Привидение»).

В 1903 году была переведена на грузинский язык пьеса Чехова «Дядя Ваня». В том же году второе действие этой пьесы было включено в экзаменационный спектакль молодых артистов грузинской драматической группы. В сезон 1911—12 годов пьеса «Дядя Ваня» с успехом была представлена на сцене Кутанского театра.

Тот же театр осуществил в 1908 году постановку пьесы Чехова «Вишневый сад» в переводе С. Ницишвили. В 1909 году «Вишневый сад» был показан в Тбилиси.

В 1914—1915 гг. на грузинский язык были переведены пьесы Чехова «Три сестры» и «Трагик поневоле».

На пьесах Чехова и сегодня воспитываются молодые кадры грузинских артистов.

В Тбилиском государственном театральном институте в 1947 году под руководством режиссера А. Двалишвили была представлена пьеса «Предложение» в переводе Ав. Велишвили. В декабре 1952 года были поставлены «Предложение» и «Медведь» и инсценировка новеллы «Болдуныя», в 1953 году — «На большой дороге».

Такова вкратце сценическая история пьес А. Чехова в Грузии.

Н. ГУРАБАНИДЗЕ,
Т. ДЖАНАЛИДЗЕ.

«должно быть все прекрасно — и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

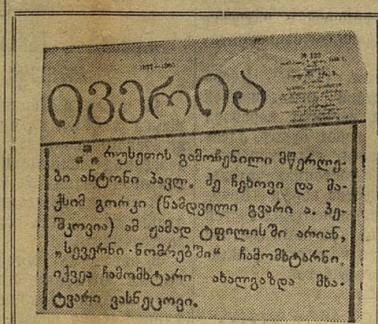
Одним из главных качеств этого нового человека Чехов считал его любовь к труду — труду радостному, творческому. Ибо, утверждал писатель, «чтобы хорошо жить, по-человечески, — надо... работать! Работать с любовью, с верой!».

Все симпатии Чехова принадлежали людям, видящим цель своего существования в созидательном труде, превращающим труд в подвиг жизни. «Я не видел человека, — говорит Горький, — который чувствовал бы значение труда, как основания культуры, так глубоко и всесторонне, как Антон Павлович... Он любил строить, разводить сады, украшать землю, он чувствовал поэзию труда».

Чехов жил в те годы, когда Россия находилась в тисках самодержавия. Но он хорошо знал свой народ и глубоко верил в мощь его зачатых, еще не пробудивших сил. «Боже мой, — восклицает Чехов в одном из своих писем, — как богата Россия хорошими людьми!».

Писателю, крепко любившему свою страну, свой народ, рисовалось, какой красотой и силой расцветет жизнь всюду на необятных просторах России, когда полновластным хозяином их станет освобожденный человек — строитель новой жизни.

Обращая свой пылкий взор в будущее, Чехов в замечательной повести «Степь» с глубокой поэтичностью воспевает родную страну, ее просторы, дает образ народа, сильного своей органической

В июне 1900 года в Тбилиси приехали А. П. Чехов и А. М. Горький. На снимке воспроизводится текст заметки, помещенной в газете «Иверия», в которой сообщается о приезде в Тифлис А. П. Чехова и А. М. Горького.

«Каждый светлый порыв подавлялся душителями прогресса и разума».

Ужасающая картина духовного обнищания целого уездного города, боязнь живой мысли, живой жизни нарисована Чеховым в рассказе «Человек в футляре».

Незабываемы для характеристики старой, позорной жизни царской России чеховские рассказы «Унтер Пришибеев», «Хамелсон», «Торжество победителя», «Анна на шее».

Тяжелую картину дореволюционной русской деревни показал Чехов в повести «Мужики», в рассказе «Новая дача», «В овраге», «Темнота», «Злоумышленник».

Продолжая лучшие традиции литературы критического реализма, Чехов описывал жизнь такой, какой она была. «Страшная сила его таланта, — писал о Чехове Горький, — именно в том, что он никогда ничего не выдумывает от себя, не изображает того, чего нет на свете». Именно эта сила чеховского таланта, бичевашего людскую пошлость, косность, деспотизм, бескультуру, стремившегося излечить читателя от духовного паралича, обратить его к поискам иной, разумной, осмысленной жизни, создала ему славу «глубокого истолкователя русской действительности», великого художника слова, правдиво отобразившего в своих произведениях горькую правду эпохи.

В каждом своем рассказе, в каждой своей пьесе Чехов, описывая жизнь, какая она есть, в то же время говорит, доказывает читателю, что такой она не должна быть, что «больше жить так невозможно».

Неотразимым укором такой жизни, мрачному недавнему прошлому российской действительности навсегда останется в русской литературе чеховский рассказ «Палата № 6», в котором с огромной обобщающей силой показана трагическая судьба людей, осмелившихся мечтать о лучшей жизни.

Огромную впечатляющую силу этого рассказа В. И. Ленин выразил следующими словами: «Когда я прочитал до конца этот рассказ, мне стало жутко. Я не мог оставаться в своей комнате и вышел. У

Горький о Чехове

Отрывки из воспоминаний

Его врагом была пошлость; он всю жизнь боролся с ней, ее он осмеивал и ее изображал бесстрастным, острым пером, умея найти плесень пошлости даже там, где с первого взгляда, казалось, все устроено очень хорошо, удобно, даже — с блеском...

Читая рассказы Антона Чехова, чувствуешь себя точно в грустный день поздней осени, когда воздух так прозрачен и в нем резко очерчены голые деревья, тесные дома, серенькие люди. Все так странно — одиноко, неподвижно и бесильно. Углубленные синие дали — пустынь и, сливаясь с бледным небом, дышат тоскливым холодом на землю, покрытую мерзлой грязью. Ум автора, как осеннее солнце, с жестокой ясностью освещает избитые дороги, кривые улицы, тесные и грязные дома, в которых задыхаются от скуки и лени маленькие жалкие люди, наполняя дома свои несмысленной, подзудной светотой. Вот тревожно, как серая мышь, шмыгает «Душечка» — милая, кроткая женщина, которая так рабски, так много умеет любить. Ее можно ударить по щеке и она даже застонать громко не посмеет, кроткая раба. Рядом с ней грустно стоит Ольга из «Трех сестер»: она тоже много любит и безропотно подчиняется капризам развратной и пошлой жены своего лентяя-брата, на ее глазах ломается жизнь ее сестер, а она плачет и никому ничего не может помочь, и ни одного живого, сильного слова протеста против пошлости нет в ее груди.

Многие из них красиво мечтают о том, как хороша будет жизнь через триста лет, и живут, не замечая, что около него все разлагается, что на его глазах Солзень от скуки и по глупости тот-тов убить жалкого барона Тузенбаха.

Проходит перед глазами бесчисленная вереница рабов и рабынь своей любви, своей глупости и лени, своей жадности к благам земли; илут рабы темного страха пред жизнью, идут в смутной тревоге и наполняя жизнь бессвязными речами о будущем, чувствуют, что в настоящем — нет им места...

Иногда в их серой массе раздается выстрел, это Иванов или Трещин догадываются, что им нужно сделать, и — умерли.

Многие из них красиво мечтают о том, как хороша будет жизнь через триста лет, и никому не приходит в голову простой вопрос: да кто же сделает ее хорошей, если мы будем только мечтать?

Мимо всей этой скучной, серой толпы бессильных людей прошел большой, умный, во всему внимательный человек, поостроил он на этих скучных жителей своей родины и с грустной улыбкой, тоном мягкого, но глубокого упрека, с безнадёжной тоской на лице и в гру-

ди, красивым искренним голосом сказал: — Северно вы живете, господа!

Я не видел человека, который чувствовал бы значение труда, как основания культуры, так глубоко и всесторонне, как А. П. Это выражалось у него во всех мелочах домашнего обихода, в подборе вещей и в той благородной любви к вещам, которая, совершенно исключая стремление накопить их, не устает любиться ими, как продуктом творчества дела человеческого. Он любил строить, разводить сады, украшать землю, он чувствовал поэзию труда. С какой трогательной заботой наблюдал он, как в саду его растут посаженные им плодовые деревья и декоративные кустарники! В хлопотах о постройке дома в Аутке он говорил:

— Если каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша.

Затевая писать пьесу «Васья Буслаев», я прочитал ему хвастливый Васьяин монолог:

— Эх-ма, кабы силы да поболее мне! Жарко бы дохнул я — снега бы растопил, Груд земли пошел бы на всю распахал, Век бы ходил — города городил, Церкви бы строил да сады все садил! Землю разукрасил бы — как девушку, Обнял бы ее — как невесту свою, Поднял бы я землю ко своим грудям,

Сколько она Васьюкой изукрашена! Ты, вот, ее камнем пустил в небеса, Я же ее сделал изумрудом дорогим!

Глянь-ко, ты, господа, порадуйся, Как она зелено на солнышке горит! Дал бы я тебе ее в поларочек, Да — накладно будет — самому дорого!

Чехову понравился этот монолог; вволювано похваливая, он говорил мне и доктору А. Н. Алексину: — Это хорошо... Очень настоящее, человеческое! Именно в этом «смысл философии всей». Человек сделал землю обитаемой, он сделал ее и уютной для себя. — Кивнув угрюмо головой, повторил: — Сделает!

Предложил прочитать похвалюбу Васьюкин еще раз, выслушал, глядя в окно, и посоветовал: — Две последние строчки — не надо, это озорство. Лишнее...

О Чехове можно написать много, но необходимо писать о нем очень метко и четко, чего я не умею! Хорошо бы написать о нем так, как сам он написал «Степь», рассказ ароматный, легкий и такой, по-русски, задумчиво-грустный. Рассказ — для себя.

Хорошо вспомнить о таком человеке, тотчас в жизнь твою возвращается бодрость, снова входит в нее ясный смысл. — Человек — ось мира. А — скажут — пороки, а недостатки его? Все мы голодны любовью к человеку, а при голоде и плохо выпеченный хлеб — сладко питает.

В конце прошлого столетия и начале нынешнего века внимание передовой общественности Грузии привлекало творчество двух замечательных русских писателей — Антона Павловича Чехова и Алексея Максимовича Горького.

Имя Чехова приобрело широкую популярность у грузинского читателя еще в девятых годах. Об этом, в частности, свидетельствовала хроникерская заметка, помещенная в газете «Иверия» в номере от 7 июня 1900 года, когда А. П. Чехов совершил свою третью поездку на Кавказ.

Газета считала необходимым сообщить, что: «Выдающиеся русские писатели Антон Павлович Чехов и Максим Горький (А. Пешков) в настоящее время находятся в Тифлисе. Они остановились в «Северных номерах». Там же остановился молодой художник Васнецов».

В 1899—1901 годах в России завершилось издание десятитомного собрания сочинений А. П. Чехова. Это издание способствовало еще большей популяризации творчества выдающегося русского писателя и в грузинском обществе. Рассказы Чехова систематически переводятся на грузинский язык и печатаются в журналах «Кваши», «Моамбе», «Нашадури», в газетах «Иверия», «Циобис пурцели», в приложениях к журналам. В названных изданиях было опубликовано в те годы до 80 произведений А. П. Чехова, в том числе: «Спать хочется», «Справка», «Толстый и тонкий», «Переполох», «Ренетитор», «Учитель», «Радость», «Маска», «Финочка», «Беззащитие», «Без заглавия», «В суде», «Монича», «Проществие», «Ванька», «Смерть чиновника».

В грузинских газетах и журналах печатались также статьи о Чехове, давалась оценка его творчеству, раскрывалась идейная направленность его произведений.

Творения русского писателя, знавшие к завоеванию светлой жизни, были грузинскому читателю так же понятны, близки и созвучны, как и читателю русскому.

Живейший интерес вызывали у грузинского зрителя чеховские пьесы. На грузинской сцене еще при жизни А. П. Чехова шли его одноактные пьесы, а также крупные драматические произведения — «Иванов», «Дядя Ваня», «Вишневый сад».

Грузинская театральная критика того времени давала высокую оценку драматургии Чехова, определяя его пьесы как документы большого художественного мастерства и идейной ценности.

«Сильное и своеобразное перо Чехова знакомо нашему обществу, — писала газета «Дроба». — Его пьесы не нуждаются в разъяснении. Они с такой художественностью рисуют определенное душевное состояние человека, что весь театральный зал произносится единым настроением».

Исключительно внимание уделяла творчеству А. П. Чехова газета «Иверия».

В номере, посвященном безвременной кончине великого русского писателя, газета писала: «Чехов — писатель мирового значения, его смерть — потеря для всей мировой литературы».

Популярность Чехова в Грузии несравненно возросла в советскую эпоху. Произведения Чехова выпускаются отдельными сборниками. О творчестве Чехова печатается много статей. Чехов оказывает благотворное воздействие на развитие грузинской прозы. Он — один из любимейших писателей грузинского народа.

И. ГРИШАШВИЛИ.

Антон Чехов уже в первых рассказах своих умел открыть в тусклом море пошлости ее трагически-мрачные шутки; стоит только внимательно прочитать его «юмористические» рассказы, чтобы убедиться, как много за смешными словами и положениями — жестокого и противного скорбно видел и стыдливо скрывал автор.

Он был как-то целомудренно скромно, он не позволял себе громко и открыто сказать людям:

— Да будьте же вы... порядочнее! — тисцно надеясь, что они сами догадываются о настоятельной необходимости для них быть порядочнее. Ненавидя все пошлое и грязное, он описывал мерзости жизни благородным языком поэта, с мягкой усмешкой юмориста, и за прекрасной внешностью его рассказов мало заметен полный горького упрека их внутренний смысл.

Почтеннейшая публика, читая «Дочь Альбиона», смеется и едва ли видит в этом рассказе гнуснейшее извращение сытого барина над человеком одиноким, всему и всем чужим. И в каждом из юмористических рассказов Антона Павловича я слышу тихий, глубокий вздох чистого, истинно-человеческого сердца, безнадежный вздох сострадания к людям, которые не умеют уважать свое человеческое достоинство и, без сопротивления подчиняясь грубой силе, живут, как рабы, ни во что не веря, кроме необходимости каждый день хлестать возможно более жирные ши, и ничего не чувствуют, кроме страха, как бы кто-нибудь сильный и наглый не побил их.

Никто не понимал так ясно и тонко, как Антон Чехов, трагизм мелочей жизни, никто до него не умел так беспощадно правдиво нарисовать людям позорную и тоскливую картину их жизни в тусклом хаосе мещанской обиденщины.